

Ирина Анатольевна Герасименко

Горловский государственный педагогический
институт иностранных языков

Применение контекстологического метода при анализе семантики единиц с колоративным содержанием

Ключевые слова: колоратив, семантика, русский язык, фразеология, язык фольклора, язык художественной литературы

Key words: colour-name, semantics, the Russian language, phraseology, folklore language, work of fiction language

Summary

The article analyses the Russian words with the unconcrete color meaning. The findings are confirmed by the examples from Russian phraseology, the language of folklore, the language of literature. The object of illustration is the quantitative correlation, semantic and functioning of these units.

Известно, что колоративы представляют собой отдельную лексико-семантическую группу (ЛСГ), содержащую «указание на цвет в собственном смысле» [Фрумкина 1984: 21]. Поэтому слова, обозначающие в современном языке тон, яркость, степень насыщенности цвета, интенсивность окраски, наличие или отсутствие цвета (*мрачный, тёмный, светлый, яркий, бледный, тусклый, бесцветный*) к колоративам не относят. В число колоративов не включают и лексемы, обозначающие несколько неконкретизированных цветов (*цветной, рябой, пёстрый, пятнистый, радужный*), а также прилагательные, передающие в определённом лексемном окружении, помимо прямых «нецветовых» значений, дополнительные спектральные характеристики (*буйный, пышный, глухой, холодный, спелый, свежий*). Фактически не только традиционные

адъективы, имеющие в структуре значения сему цвета, относятся к колоративам. Если учесть, что «значение слова проявляется в контексте» [Левицкий 2006: 317], то с помощью контекстологического метода можно выяснить цветообозначающие семы и в словах, которые традиционно к колоративам не относятся. Цель статьи – проанализировать с помощью контекстологического метода семантическое наполнение таких слов на материале русской фразеологии, а также текстов фольклора и текстов художественной литературы. Выбор разных жанров, направлений и идиостилей отвечает цели исследования. А именно – рассмотреть с помощью контекстологического метода колоративную семантику слов не с точки зрения особенностей их употребления, а как закономерный факт языка, обусловленный способностью лексем передавать разные, в том числе и колоративные, значения.

Единицы, которые традиционно не относятся к ЛСГ колоративов, можно распределить на три группы: 1) лексемы, традиционно обозначающие тон, яркость, насыщенность, интенсивность окраски, наличие или отсутствие цвета (*мрачный, тёмный, полутёмный, светлый, яркий, неяркий, ясный, неясный, прозрачный, непрозрачный, чистый, светозарный, лучезарный, матовый, мутный, бледный, блеклый, бесцветный, одноцветный*); 2) прилагательные, передающие несколько неконкретных цветов (*цветной, рябой, пёстрый, пестроцветный, самоцветный, разноцветный, разномастный, пятнистый, радужный, узорный*); 3) адъективы, имплицитно содержащие цветовые признаки (*буйный, пышный, нарядный, унылый, угрюмый, густой, робкий, глухой, холодный, голый, горячий, спелый, свежий, лёгкий, нежный, радостный*).

Считается, что слова (1) «не передают значения цвета» [Кезина, 2008: 104] и, соответственно, входят в другие ЛСГ. Однако, как показывает материал исследования, в определённых контекстах такие лексемы могут использоваться как колоративы. Так, прилагательные *мрачный, тёмный, полутёмный, неяркий, неясный, непрозрачный, матовый, мутный, тусклый, бледный, блеклый, бесцветный* и под. В составе устойчивых оборотов, а также народнопоэтических выражений и свободных сочетаний литературно-художественной речи осмысливаются как средства представления семантики ‘чёрный’, ‘серый’, ‘сизый’. Безусловно, во фраземах данные адъективы, во-первых, наделены дополнительными семантическими признаками, отражающими второстепенные свойства и характеристики обозначаемого явления. И, во-вторых, введены в состав единиц, обладающих образным смысловым наполнением. В этой связи следует иметь в виду, что заключённая в значении фраземы коннотативная нагрузка находится в определённой зависимости от сигнификативно-денотативного содержания компонентов устойчивых структур. Поэтому, рассматривая смысловое наполнение интересующих нас адъективов в составе фразем, мы учитываем, что значения отдельных слов формируют семантику всего устойчивого оборота. Ср. использование семантически близких к колоративам слов, используемых во фразеологии, а также в народнопоэтической и индивидуально-авторской речи:

рисовать мрачными красками ‘представлять кого-либо или что-либо в неприглядном свете’ [Фразеологический словарь 2001: 539]; *Арагву променять на мрачные овраги. / Я в этот раз рвалась: о, только бы скорей!* (Б. Ахмадулина); *тёмная вода* ‘слепота’ [Фразеологический словарь 2001: 79]; *тёмный (дремучий) лес* ‘полная неясность’, ‘неизвестность’ [Фразеологический словарь 1986: 225]; *Темна ноченька, не ясен день* [Русские пословицы и поговорки 1988: 396]; *Теперь за тёмны леса да закатилось, / Только оставался млад светел месяц* [Былины 1988: 225]; *Иногда среди прошлогодней слезавшейся листвы, тёмной и пахучей, [...] она отыскивала семейку белых грибов [...] (Л. Андреев); Я думаю о полутёмном зале, / О бархате, склонённом к кружевам (М. Цветаева); По стальному, с сиреневым оттенком, неяркому небу правились на юг тучи (М. Шолохов); [...] сквозь голубоватую дымку чуть-чуть наметились неясные очертания сторожевых курганов, синеющие русла балок и зелёные шапки верб над далёкими прудами (М. Шолохов); [...] что же там за этими непрозрачными дверями? (Е. Гришковец); В холодных стёклах, матовых и сизых, / Чужие тени холодно скользят (С. Чёрный); Не знаю. / Как Пушкину нынче луна удалась! / На славу мутна и огромна, к морозу, должно быть! (Б. Ахмадулина); Юноша бледный со взором горящим (ирон.) [Берков 2000: 566]; [...] бледные мёртвые руки тянулись вперёд [...] (Л. Андреев); Сокрыв прибрежные ракушки, / Ползут и тают в блеклой мгле (И. Северянин); Повстречался столетний Назарушка [...] с бесцветными, жалко-грустными глазами [...] (И. Бунин).*

В выделенном списке лексем слово *мрачный* передаёт смысл ‘чёрный’: в устойчивых оборотах – для образного обозначения «безрадостной, тяжёлой картины жизни» [Фразеологический словарь 2001: 539], в языке художественной литературы – для (тёмного) окружающего пространства. В свою очередь синонимичное адъективу *мрачный* прилагательное *тёмный* наделено значением ‘чёрный’. Носители языка используют его семантику для описания ночи, растительности, времени суток, сочетают с существительными *вода, лес, бор, дубрава, чаща, ночь, день* и их дериватами. Например:

Тёмная вода в облацах [Фразеологический словарь 1986: 73]; *Ночки тёмные, осенние, / Фонарики горят* [Частушки 1990: 381]; *Из-за лесу, лесу тёмного, / Из-за гор, было, высоких гор* [Былины и песни южной Сибири 1952: 288]; *Бросил гребёнку – выросла дубрава тёмная-тёмная: муха не пролетит* [Сказки 1989 (2): 332]; *Скакал-скакал, сделалась чаща тёмная [...] (Сказки 1989 (3): 93).*

Что касается других слов (1), а именно, прилагательных *светлый, яркий, ясный, прозрачный, чистый, светозарный, лучезарный, одноцветный*, то в определённом лексемном окружении данные адъективы обозначают светлые цвета. Например:

На закате красна солнышка, на восходе светла месяца [Пословицы и поговорки русского народа 1987: 629]; *Короткие, редкие светлые волосы* были бережно причёсаны (Е. Гришковец); *Гуси, лошади, шар золотой, / Яркий шар восходящего солнца* (Н. Рубцов); *гром среди ясного неба* [Фразеологический словарь 2001: 145]; *По ясному небу едва-едва неслись высокие и редкие облака* (И. Тургенев); *И падает тяжёлый жёлтый луч из-за прозрачных, белых, круглых туч* (И. Тургенев); *Проглянувшийся сквозь туман клочок чистого неба ослепил её холодной синевою [...] (М. Шолохов);*

Мы тихую знаем луну. / Влажная, кроткая, милая, чистая, ночью серебряной вся золотистая, / она – как русалка – добрая (З. Гиппиус); После одноцветной ссылки, одноцветной больницы глаз пировал в красках (А. Солженицын).

В данных контекстах адъектив *светлый* семантически близок к словам *белый, жёлтый и русый*; лексема *яркий* – к колоративу *жёлтый*; прилагательное *ясный* – к *голубой*; адъектив *чистый* – к *белый* и *голубой*; слова *прозрачный* и *одноцветный* – к колоративу *белый*. Вполне возможно, что в сочетании с другими лексемами эти же прилагательные могут быть закреплены за иными цветовыми признаками. Ср.: *Что слова? – Яркая заплатка / на ветхом рубище певца* (поэт.) [Берков 2000: 548], где в адъектив *яркий* вложено значение неконкретизированного цвета.

Ввиду контекстуально-смысловой равнозначности собственно колоративов и близких к ним слов носители русской лингвокультуры описывают некоторые натурфакты как с помощью колоративов с конкретным, так и с неконкретным цветовым содержанием. Ср. семантическую тождественность лексем *светлый, лучезарный, ясный, жёлтый*:

Солнце – не огнистое, не раскалённое, как во время знойной засухи, не тускло-багровое, как перед бурей, но светлое и приветливо лучезарное (И. Тургенев); *А самолёт прорвался сквозь тяжёлые облака, и вспыхнуло ясное солнышко и синее небо* (Е. Гришковец); *Крест-накрест перечёркнутое оконным переплётом, засматривало с юга в комнату жёлтое, как цветок подсолнуха, солнце* (М. Шолохов).

Фактически, имея в структуре значения лексемы *светлый* смысл ‘не тёмного цвета’ [Словарь русского языка 1984 (4): 47], прилагательного *лучезарный* – сему ‘сияющий’ [Словарь русского языка 1983 (2): 205] и адъектива *ясный* – значение ‘светлый’ [Словарь русского языка 1984 (4): 786], данные слова контекстуально могут быть семантически равнозначны. Возможно поэтому в последнее время наметилась тенденция включать прилагательные, «обозначающие дополнительные характеристики цвета» [Кулько 2004: 224] в состав колоративов (В.Г. Кульпина, В.К. Харченко, Х.Г. Ахичба, С.П. Муляр, И.М. Бабий, О.И. Кулько), относить их «к компонентам периферии» колористического поля цвета [Муляр 2003: 11]. В этом случае авторы руководствуются наличием контекстуальной близости таких единиц «с собственно колоративами или словами, в структуре лексического значения которых есть сема цвета» [Кулько 2004: 224]. «Было бы насилием над материалом и сознанием [...] проводить демаркационные линии между цветовым корпусом картотеки и её „световой“ частью», – пишет относительно комплексного изучения колоративно-оттеночной лексики В.К. Харченко [Харченко 2009: 4].

Если сравнивать смысловое наполнение слов с неконкретным цветовым значением во фразеологии, а также в языке фольклора и языке художественной литературы, то состав этих единиц, их сочетаемостные возможности и частота употребления имеет ряд расхождений. Во-первых, во фразеологическом фонде русского языка, как и в народнопоэтической речи, нами

зафиксировано участие меньшего количества лексем (1). Такие адъективы (1), как например, *неяркий, неясный, прозрачный, непрозрачный, светозарный, матовый, блеклый, бесцветный, одноцветный* во фразеологии, а также в языке устного народного творчества, в функции речевых актуализаторов цвета не зафиксированы. В устойчивых оборотах, как и в составе фольклорных выражений, употребляются в качестве колоративов с неконкретным цветовым значением только слова *мрачный, тёмный, полутёмный, светлый, ясный, яркий, мутный, бледный*.

С помощью прилагательного *светлый* как компонента фразем, а также фольклорных выражений носители русской лингвокультуры описывают, как правило, время суток и светила, используют его как компоненты сочетаний *светлый день, светлая ночь, светлая луна, светлый месяц, светлая заря*. Ср.:

Красно солнышко не греет, / Светлый день не веселит [Русский фольклор 1986: 141]; *День тёмный, да ночь светла* [Русские пословицы и поговорки 1988: 76]; *Луна светла, да нет от неё тепла* [Русские пословицы и поговорки 1988: 166]; *За облака звезда закатилась, / Что от светлого месяца* [Русский фольклор 1986: 151]; *На светлой заре рано-утренней, на восходе красного солнышка* [Былины 1988: 275].

Слово *светлый* в этих и подобных примерах связано со смыслом ‘белый’. В результате, лексемы *светлый* и *белый* при описании одних и тех же объектов взаимозаменяются. Ср.:

Черноброву, черноглазеньку / Девчоночку люблю: / До белой зари прогуливаю, / Ноченьки не сплю [Частушки 1990: 390]. *Белый день проходит, ночь наступает, / Ночка наступает, заря потухает* [Русский фольклор 1986: 120].

Адъектив *полутёмный* как нечастотный для языка фольклора синоним колоратива со смыслом ‘серый’ используется при описании внешности персонажа. Ср.: *Мать всё плакала, сделалась полутёмной, старой, дряхлой* [Сказки 1988 (1): 488]. Прилагательное *ясный* в составе фразем, а также народнопоэтических выражений характеризует, как и в свободных сочетаниях литературной художественной речи, день, небо, светила, погоду, глаза, входит в выражения *ясный день, ясный месяц, ясно небушко, ясная погода, ясны очи* и под. Например: *наводить тень на ясный день* ‘намеренно вносить неясность’ [Фразеологический словарь 2001: 365]; [...] *на голове – месяц ясный, такая красавица – ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать* [Русский фольклор 1986: 269–270]; *А на том было на небушке на ясном, / Как в ту пору теперичку / Воцарился наш прегрозный царь* [Онежские былины 1949: 235]; *Стала погода ясна, вылетел петух на дерево красно* [Сказки 1988 (1): 98]; *Слезла-то она свои да очи ясные* [Былины 1988: 233]. В ряде случаев носители языка осмысливают прилагательное *ясный* как контекстуальный синоним слова *светлый* (*ясный месяц = светлый месяц*).

В свою очередь во фразеологии с помощью лексемы *яркий* описываются светила. Ср.: *Чем ночь темней, тем ярче звёзды* (книжн.-поэт.) [Берков 2000:

54]. Что касается адъектива *чистый*, то с определёнными контекстуальными партнёрами данное слово, как и в языке художественной литературы, семантически отождествляется с колоративом *голубой*. Например: *чистое небо* (патет.) [Берков 2000: 543]. Однако число сочетающихся с лексемой *чистый* существительных ограничено. В следствие, данное слово используется как альтернант только колоратива *голубой* (отметим, что в индивидуально-авторской речи адъектив *чистый* в определённых контекстах заменяет колоративы *голубой*, *жёлтый*, *розовый* при описании, кроме неба, элементов внешности, ночи, светил). В свою очередь лексема *бледный* зафиксирована в составе фразем, а также фольклорных выражений как компонент речений, описывающих элементы внешности. Ср.: *бледная немощь* ‘малокровие’ (устар.) [Фразеологический словарь 2001: 383]; *Я из сада выходила / Не румяна, бледная* [Частушки 1990: 432]. Соответственно, указанное слово используется для обозначения оттеночного смысла ‘тёмный’. И, наконец, прилагательное *мутный* как компонент устойчивых оборотов наделено дополнительным значением ‘непрозрачный’. Ср.: *ловить рыбу в мутной воде* (ирон.) [Фразеологический словарь 2001: 331].

В названиях, передающих несколько цветов (2), которые ряд авторов также относят к колоративам (см., например: [Кезина 2008: 112; Ахичба 1997: 17; Кулько 2004: 224]), содержится информация об их «цветовой неоднородности» [Наименования цвета 2007: 177]. Так, слово *цветной* было закреплено в русском языке за смыслом ‘неодноцветный’, *рябой* – ‘с пятнами другого цвета’, *пёстрый* – ‘покрытый разноцветными пятнами’, *пестроцветный* – ‘то же’, *самоцветный* – ‘цветной’, *разноцветный* – ‘с окраской разных цветов’, *разномастный* – ‘с разной окраской’, *пятнистый* – ‘с пятнами, по цвету отличающимися от основной окраски’, *радужный* – ‘разноцветный’, *узорный* – ‘то же’. Например:

И сарафаны их цветные, / И голоса девиц грудные (И. Северянин); *У второго мальчика [...] лицо бледное, рябое [...]* (И. Тургенев); *Доложи барыньке, что свинья-то ваша пестра, моей жене сестра [...]* [Сказки 1989 (3): 492]; *Как бабочки девочек платьица пестры, / Здесь ссора, там хохот, там сборы домой...* (М. Цветаева); *[...] стоял чёрный, как ворон, петух в окружении десятка оставленных на племя пестроцветных кур* (М. Шолохов); *Несите платья самоцветные, закладывайте вороных коней [...]* [Сказки 1988 (1): 338]; *Уставив глаз свой самоцветный, / всё различавший в тишине, / пёс умудрённый семилетний / сидел и думал обо мне* (Б. Ахмадулина); *И разноцветная медленно меркнувшая морская даль* (З. Гиппиус); *За столом [...] расселись почётные – в серебряной седине бород – старики, помоложе – с разномастными бородами и безбородые – казаки жались в кураготы [...]* (М. Шолохов); *Какой сегодня пятнистый день: / То оживляю дугу блестящую, / То вижу солнца слепого тень* (З. Гиппиус); *радужная бумажка* ‘сторублёвый кредитный билет’ (прост.) [Фразеологический словарь 2001: 51]; *Около солнца радужные дымилась столбы* (М. Шолохов); *Как цыганка, платками узорными / Расстиралася ты предо мной, / Ой ли косами иссиня-чёрными, / Ой ли бурей страстей огневой!* (А. Блок).

Несмотря на зафиксированную в семантике данных лексем невыраженность цвета, общую окрашенность реалий, некоторые адъективы осмысливаются в определённых контекстах как средства представления угадываемой цветовой семантики. Ср.: *Весной в цветном платице, зимой – в белом сарафане* (лиственный лес) [Русские народные загадки 1990: 33]; *Рябая курица под плетнём дуется* (арбуз) [Русские народные загадки 1990: 66].

Прилагательные могут имплицитно иметь дополнительные цветовые признаки при описании элементов внешности и реалий окружающего мира (3). В частности, смысловое наполнение слова *буйный* при наличии закреплённых за ним значений ‘пышный’, ‘обильный’ [Словарь русского языка 1981 (1): 122] осложняется смыслом ‘разноцветный’. Например: *Являлись перед ним напудренные маркизы, [...] усатые лица недавних героев, с буйным огнём в глазах [...]* (И. Гончаров); *Ночи тогда синие, синие, холодновато-розовые, обильные, буйные...* (Б. Пильняк); *С первого же шага буйные травы охватили нас со всех сторон. Они были так высоки и так густы, что человек в них казался утонувшим* (В. Арсеньев). Лексема *унылый* как ‘неприглядный’ [Словарь русского языка 1984 (4): 499] и слово *угрюмый* как ‘мрачный’ в контекстуальном плане интерпретируются как средства представления цветовых смыслов ‘серый’, ‘чёрный’. Напр.:

Унылая пора! Очей очарованье! / Приятна мне твоя прощальная краса (А. Пушкин), ставшее устойчивым (ср.: *Унылая пора! Очей очарованье!* [Берков 2000: 514]); *Ему не хотелось рисовать унылые северные пейзажи* (Е. Гришковец); [...] *надвигаясь, громадными клубами вздымался угрюмый мрак* (И. Тургенев). Семантика адъектива *густой* ‘малопроницаемый’, ‘плотный’ [Словарь русского языка 1981 (1): 358] может быть дополнена значениями ‘чёрный’, ‘красный’, ‘синий’. Например: *Поднялся густой чёрный столб дыма [...]* [Народная проза 1992: 34]; *Высокий русский парень с лихо зачёсанным, серым от пыли чубом, с густым румянцем на смуглых щеках, [...] нехотя ответил* (М. Шолохов); [...] *густые сумерки выпадают, как стена чёрного снегопада [...]* (А. Иличевский).

Значение лексемы *глухой* ‘приглушённый’ [Словарь русского языка 1981 (1): 318] носители языка в определённых случаях соотносят с цветовым смыслом ‘чёрный’. Ср.: *глухой угол* (разг.) [Фразеологический словарь 2001: 652]; *Для ликования все ушли из дома, / оставив мне два фонаря во мгле / по сторонам глухого водоёма* (Б. Ахмадулина). Безусловно, в любой синтагме (в том числе и синтагмах *глухой угол*, *глухой водоём*) значения «согласуются друг с другом, двигаясь от соединения субстанций к „единству субстанции“, „синтетичности суждения“ (выражение А.А. Потемби)» [Луценко 2003: 116]. Ввиду этого описание водных источников с помощью слова *глухой* обусловлено их смысловой близостью, восходящей к исходной связи данной лексемы с примитивом «ву ‘вода’: *ву > вг[h]а > уха* (*в > у*; ~ *вуха* [вставка *у*]) > *вуха* (протеза) > *глуха* (использование смычного для усиления *в* в *л*)» [Луценко, 2009: 264]. Наличие цветового компонента значения, по мнению современных этимологов, вызвано семантическим развитием адъектива *глухой*: «‘тихий’ >

‘неявственный’ > ‘тёмный’ > ‘непонятный’» [Луценко 2009: 264]. В результате смысловой близости слов *глухой* и *чёрный* данные лексемы взаимозаменяются в рамках схожих контекстов. Ср.: [...] *когда-то и он, Григорий, пахал зябь в глухой осенней степи, смотрел по ночам на мерцающее звёздами чёрное небо [...]* (М. Шолохов); *Над чёрной степью жила и властвовала одна старая, пережившая века песня* (М. Шолохов).

Прилагательное *холодный* ввиду глубинной близости данного слова со смыслом ‘тьма’ надделено в определённом контекстуальном окружении значением ‘чёрный’. Например: *Мы бродим по перелеску, кругом жёлтое золото, алость сентябрьская, ручей журчит во мхах, и такой – даже на вид холодный, хоть и солнце в нём отражается* (З. Гиппиус). Не случайно собственно понятие «холод» осмысливается сквозь призму цветовых и оттеночных признаков ‘чёрный’, ‘тёмный’. Ср. в этой связи употребление речевого актуализатора *холод* в сочетании с прилагательными *тёмный* и *чёрный*: *А я иду (сначала боком), – / о, поскорей бы, поскорей! – / Над тёмным холодом, над бойким / озябшим холодом пескарей* (Б. Ахмадулина); *Калужниц больше чёрный холод, / Иди, позвал тебя Рогволод* (В. Хлебников). Фактически понятия «холод» и «тьма» слиты, смысл ‘холод’ – это ‘мрак’, он обусловлен фактором ‘тьмы’ и является его аналогом (‘тьма’ ~ ‘холод’), на что указывал Н.Я. Марр [Марр 1936: 219] и обращает внимание Н.А. Луценко [Луценко 2009: 9].

Адъектив *голый* со значением ‘лишённый растительного покрова’ [Словарь русского языка 1981 (1): 329] также может осмысливаться как ‘чёрный’. Напр.:

А зимою лес и вовсе стоит пустой, голый, скованный мёртвой тишиной (М. Шолохов); [...] *устремлённые ввысь голые вершины пирамидальных тополей, покрытые попонами лошади у коновязи – всё это было освещено призрачным голубым светом полуночи* (М. Шолохов).

Что касается лексем *горячий* и *спелый*, то, имея смыслы ‘жаркий’, ‘знойный’ [Словарь русского языка 1981 (1): 337] и ‘созревший’ [Словарь русского языка 1984 (4): 220] соответственно, данные слова в контексте изложения могут имплицитно передавать дополнительное цветовое значение ‘жёлтый’. Ср.:

Не успел я отойти двух вёрст, как уже полились [...] сперва алые, потом красные, золотые потоки молодого горячего света... (И. Тургенев); *Вижу я, будто стою я в поле, а кругом розь, такая высокая, спелая, как золотая* (И. Тургенев)

Это же относится и к адъективам *свежий*, *робкий* и *нежный*, основные значения которых (как помним, ‘не потерявший своей естественной здоровой окраски’ для слова *свежий* [Словарь русского языка 1984 (4): 39], ‘несмелый’ для лексемы *робкий* [Словарь русского языка, 1984 (3): 720] и ‘приятный по окраске’ для прилагательного *нежный* [Словарь русского языка 1983 (2): 443]) в определённых контекстах могут дополняться смыслом ‘бледно-розовый’. Напр.:

Лицо его румяное, свежее, нахальное, принадлежало к числу лиц, которое [...] часто нравятся женщинам (И. Тургенев); *Занимавшийся день был так слаб, неумел, неказист.*

/ **Цвет** – был меньше, чем розовый: родом из **робких**, не резких (Б. Ахмадулина); [...] она ему очень нравилась: её белое, **нежное лицо**, чёрные брови, карие глаза, тёмно-русые волосы вились по плечам [Сказки 1989 (2): 537].

В область обозначения светлого цвета помещено и прилагательное *лёгкий*, которое при наличии смыслов ‘незначительный’, ‘небольшой’, ‘слабый’ (по величине, силе, степени проявления) [Словарь русского языка 1983 (2): 169] в том или ином контексте изложения может быть наделено значением ‘голубой’. Ср.: **Цвет небосклона, лёгкий, бледно-лиловый, не изменяется во весь день** [...] (И. Тургенев). Между тем адъектив *радостный*, не имея зафиксированной в толковых словарях цветосветовой семы (см., напр.: [Словарь русского языка 1984 (3): 581]), в определённом лексемном окружении может осмысливаться как ‘светлый’, ‘жёлтый’. Ср.:

*Покойся, милый прах, до **радостного утра*** [Берков 2000: 382]; *Григорий переводил взгляд [...] на убегающую куда-то вперёд **светло-жёлтую, радостную полосу света*** (М. Шолохов).

Это же относится и к слову *нарядный*, которое, помимо значений ‘красивый’, ‘праздничный’ [Словарь русского языка, 1983 (2): 392], контекстуально может реализовывать неконкретизированный колоративный смысл ‘разноцветный’. Например: [...] *на окраине неба голубой **нарядной бабочкой** трепещет в недвижимом потоке Полярная звезда* (М. Шолохов). Цветовая семантика указанных слов не закреплена в эксплицитной структуре их значения. Колоративный компонент значения «скрыто» заложен в смысловом содержании слов группы (3) и реализуется при наличии определённого лексемного окружения. Как справедливо замечает В.В. Левицкий, «[...] значение слова проявляется в контексте. В различных контекстах даже однозначное слово будет иметь несколько иной смысловой оттенок, т. е. Слово будет покрывать своим значением понятийную сферу, границы которой не могут быть строго очерчены» [Левицкий 2006: 317].

С учётом сказанного нам представляется возможным относить к (3) также и другие слова, которые ситуативно приобретают колоративные значения. Речь идёт об адъективах *дневной, утренний, солнечный, лунный, закатный, осенний, безоблачный, беззвёздный, хмурый, пасмурный, туманный, тенистый, полярный, мертвецкий* и под., значения которых могут соотноситься со значениями определённых колоративов. Например, прилагательные *дневной, утренний, солнечный, лунный* в составе сочетаний *дневной свет, утренняя тень, солнечный свет, лунный свет* осмысливаются как контекстуальные синонимы колоративов *белый* и *жёлтый*. Ср.:

*В хате изжелта-синий, почти **дневной свет*** (М. Шолохов); *От сарая падала на землю рыхлая **утренняя тень*** (М. Шолохов); *Наталья [...] глядела на залитую **солнечным светом** меловую гору, на выгоревшие бурые отроги* (М. Шолохов); *Каждый вечер в **лунном свете** / торжествует мощь моя* (Б. Окуджава).

В свою очередь в адъективах *закатный* и *осенний* заложены имплицитные значения ‘красный’, ‘жёлтый’. Ср.:

Голубоватый иней [...] отливает радугой под лучами закатного солнца (М. Шолохов); *Лапы их розовели в воде, оранжево-красные, похожие на зажжённые морозом осенние листья* (М. Шолохов).

Что касается лексемы *безоблачный*, то семантика данного адъектива интерпретируется со «скрытым» содержанием смысла ‘голубой’. Например: [...] *день, подсиненный безоблачным небом, тоже весел и хорош* [...] (М. Шолохов). В коллективном языковом сознании за словами *беззвёздный*, *хмурый*, *пасмурный*, *туманный*, *тенистый*, *полярный*, *мертвецкий* закреплены дополнительные спектральные смыслы, связанные со значениями ‘чёрный’, ‘серый’, ‘сизый’, ‘синий’. Ср.:

в серой беззвёздной ночи замаячили всадники [...] (М. Шолохов); *В разрыв трагической культуры, / Где бездна гибельна (без дна!), – / Я, ахнув, рухнул в сумрак хмурый* (А. Белый); *Не расцвёл – и отцвёл / в утре пасмурных дней* (поэт.) [Берков 2000: 318]; [...] *Григорий увидел [...] пасмурный просвет* уходящей к Дону степи – за ним... (М. Шолохов); *туманный Альбион* [Берков 2000: 502]; *В синю дальюшку туманну погляжу* [Русский фольклор 1986: 122]; *Хороши также летние туманные дни, хотя охотники их не любят* (И. Тургенев); *Твоя тенистая чащоба / всегда темна, но пред жарой / зачем потупился смущённо / влюблённый зонтик кружевной* (Б. Ахмадулина); *полярная ночь* ‘часть года за Полярным кругом, в течение которой солнце не всходит’ [Фразеологический словарь 2001: 397]; *Воды (стальная полоса / Мертвецкого оттенка) / Держусь, как нотного листка – / Певица, края стенки* (М. Цветаева).

Безусловно, данные слова с имплицитной цветовой номинацией, кроме номинативной, выполняют эстетическую функцию, придают изображаемому реалиям образность, поэтичность. Однако к индивидуально-авторским колоративам, появление которых обусловлено «собственными впечатлениями автора, его мировосприятием», как считают некоторые лингвисты (И.М. Бабий), мы эти слова не относим. В структуре значения данных лексем имплицитно заложен цветовой компонент, который носители языка используют в изложении. Более того, в структуре значения указанных адъективов как компонентов определённых сочетаний довольно регулярно реализуется колоративное содержание вне зависимости от жанра, направления, а также идиостиля [Харченко 2009].

Есть случаи, когда слова (3), не относящиеся к традиционной колоративной лексике, наделяются цветовой семантикой в составе описательных конструкций с компонентом *цвет*. Ср.:

Расцветать пышным цветом (устар.) [Берков 2000: 535]; ... *Лето в пышный цвет облоклось, дни длиннее стали* (Т. Толстая); [...] *психотерапевт материализовался для Миши в виде довольно молодого, невысокого мужчины с круглым лицом и очень здоровым цветом этого лица* (Е. Гришкова); [...] *всё чаще наведывалась тоска – «Не*

к чему наживать. Пропадёт!» – красила всё в белый **мертвенный цвет** равнодушия (М. Шолохов).

Мы считаем, что контекстуально прилагательные *пышный*, *здоровый*, *мертвенный* получают дополнительную колоративную семантику. В частности, слово *пышный* интерпретируется со значением ‘жёлтый’, адъектив *здоровый* – ‘румяный’, лексема *мертвенный* – ‘серый’. Подобное смысловое наполнение обусловлено наличием заложенных в этих и других адъективах основных значений. Так, семантика лексемы *пышный* как ‘густой’ в определённых контекстах осложняется цветовым смыслом ‘жёлтый’. В свою очередь отражённый в структуре значения слова *здоровый* смысл ‘выражающий здоровье’ дополняется смыслом ‘румяный’. Напротив, семантика адъектива *мертвенный* как ‘безжизненный’ [Словарь русского языка 1983 (2): 255] имплицитно содержит колоративное созначение ‘серый’, осложнённое негативной коннотацией (‘серый’ как ‘тёмный’).

Следовательно, в русском языке зафиксированы слова, которые в сочетании с определёнными существительными используются как колоративы с неконкретным цветовым значением, как речевые актуализаторы нескольких цветов, как «скрытые» характеризаторы цвета. Однако состав таких единиц и их сочетаемостные возможности во фразеологии, а также в языке фольклора и языке художественной литературы имеет ряд расхождений. Так, список рассмотренных лексем в литературной художественной речи шире, чем в народнопоэтической. В частности, семантику колоративов (1) в составе устойчивых оборотов, как и в народнопоэтических выражениях, реализуют прилагательные *мрачный*, *тёмный*, *полутёмный*, *светлый*, *бледный*, *мутный*, *ясный*, *яркий*, *чистый*. Лексемы *неяркий*, *неясный*, *прозрачный*, *непрозрачный*, *светозарный*, *матовый*, *блеклый*, *бесцветный*, *одноцветный* как колоративы во фразеологии, а также в языке устного народного творчества не отмечены. Типичными лексемами, называющими несколько цветов (2), во фразеологии, как и в народнопоэтической речи в целом, выступают адъективы *рябой*, *пёстрый*, *цветной*. Между тем в языке художественной литературы в числе лексических единиц, которые обозначают несколько цветов (2), зафиксированы также прилагательные *узорный*, *разномастный*, *пестроцветный*. С помощью имплицитных колоративов (3) *буйный*, *робкий*, *голый* и под. В народнопоэтической речи цветовые свойства реалий окружающего мира носители языка не передают. Данные лексемы как компоненты фразем, а также фольклорных выражений используются в своём основном значении. Ср.: *Буйну голову повесил* (народн.) ‘об унылом, опечаленном человеке’ [Берков 2000: 57]; *Разыгранный Фрейшиц / Перстами робких учениц* (устар.) ‘робкие попытки исполнения или создания произведений искусства’ [Берков 2000: 423]; *А король-то голый* (книжн. Или публ. Ирон.) ‘внезапно разоблачённые, лишившиеся напускной оригинальности люди’ [Берков 2000: 23]; *глухая тетеря* (грубо-прост.) ‘человек, потерявший слух’

[Фразеологический словарь 2001: 638]. В качестве «скрытых» колоративов в составе устойчивых оборотов, как и фольклорных выражений, носители русской лингвокультуры употребляют лексемы *пышный, пасмурный, полярный, унылый, глухой, туманный, густой, радостный*. Это говорит о том, что во фразеологии, а также в языке устного народного творчества меньшее количество колоративов с неконкретным цветовым значением привлечено к описанию спектральных свойств, меньше используется лексем для передачи нескольких цветов и для имплицитной характеристики цвета объектов.

Итак, в русском языке зафиксированы слова, которые в сочетании с определёнными существительными используются как колоративы. Между тем эти лексемы не являются единственными, которые в русском языке передают колоративные признаки. Имеются и другие слова, семантику которых мы с помощью контекстологического метода рассмотрим в наших последующих работах.

Литература

- Аникин В. (ред.) 1988, *Русские пословицы и поговорки*, Москва: Художественная Литература.
- Ахичба Х.Г., 1997, *Цветовая метафора в абхазском, немецком и английском языках (сопоставительный анализ)*, автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.10 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание», Москва.
- Берков В.П., 2000, *Большой словарь крылатых слов русского языка* / Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г., Москва: Русские словари, ООО Фирма Издательство АСТ. *Былины*, 1988, сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф.М. Селиванова, Москва: Сов. Россия.
- Василевич А.П. (ред.), 2007, *Наименования цвета в индоевропейских языках: системный и исторический анализ*, Москва: КомКнига.
- Евгеньева А.П., 1983/1984, *Словарь русского языка: в 4-х т.*, Москва: Русский язык.
- Кезина С.В., 2008, *Семантическое поле цветообозначений в русском языке (диахронический аспект)*, Пенза: Издательство Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского.
- Кулько О.И., 2004, Колоративы и обозначения цвета в рекламе [в:] К.Р. Галиуллин (ред.), *Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы*, Казань: Издательство Казанского университета, с. 224–225.
- Левицкий В.В., 2006, *Семасиология*, Винница: Нова Книга.
- Луценко Н.А., 2003, *Введение в лингвистику слова*, Горловка: Издательство ГГПИИЯ.
- Луценко Н.А., 2009, *Истории наших слов: диахронно-лексикологические этюды*, Донецк: Вебер.
- Март Н.Я., 1936, *Избранные работы*, т. 2, Ленинград.

- Молоткова А.И. (ред.), 1986, *Фразеологический словарь русского языка*, Москва: Русский язык.
- Муляр С.П., 2003, *Колористична семантика в структурі російського художнього тексту (мова поезії 70–80-х рр. ХХ ст.)*, автореф. дис. ... канд. філол. наук: спец. 10.02.02 «Російська мова», Київ.
- Народная проза*, 1992, сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С.Н. Азбелева, Москва: Русская книга.
- Онежские былины*, 1949, т. 1, Записанные А.Ф. Гильфердингом, Москва–Ленинград: Издательство АН СССР.
- Пословицы и поговорки русского народа*, 1987, Из сборника В.И. Даля, Москва: Правда.
- Русские народные загадки, пословицы, поговорки*, 1990, сост., авт. вступ. ст., коммент. и слов Ю.Г. Круглов, Москва: Просвещение.
- Русский фольклор*, 1986, сост. и примеч. В. Аникина, Москва: Художественная Литература.
- Сказки: в 3-х кн.*, 1988/1989, сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ю.Г. Круглова, Москва: Сов. Россия.
- Фразеологический словарь русского литературного языка*, 2001, сост. А.И. Федоров, Москва: ООО Фирма Издательство АСТ.
- Фрумкина Р.М., 1984, *Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа*, Москва: Наука.
- Харченко В.К., 2009, *Словарь цвета: реальное, потенциальное, авторское*, Москва: Издательство Литературного института им. А.М. Горького.
- Частушки*, 1990, сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф.М. Селиванова, Москва: Сов. Россия.
- Чичерова В.И. (ред.), 1952, *Былины и песни южной Сибири*, собр. С.И. Гуляева, Новосибирск: Государственное издательство.